© 2017 г.

А.С. БАЛЕЗИН

У ИСТОКОВ АФРОАЗИАТИЗАЦИИ. АФРИКАНЦЫ В ЕВРОПЕ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ КОЛОНИАЛЬНОГО РАЗДЕЛА ЧЕРНОГО КОНТИНЕНТА

Балезин Александр Степанович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Как известно, первые африканцы в Европе появились в ходе Великих географических открытий. Их вывезли португальцы еще в 1442 г. в качестве рабов. Однако в Европе черные рабы находили ограниченное применение – они были и оставались в основном экзотическим украшением свиты королей и богатых вельмож. Тем не менее постепенно во всех крупных портовых городах Европы – Лиссабоне и Бристоле, Нанте и Севилье и многих других – постепенно возникли невольничьи рынки-аукционы.

Накануне и после колониального раздела Черного континента, в конце XIX в. и особенно в XX в., число африканцев в Европе резко возрастает. Об этом написано уже довольно много. В данной статье автор приводит ряд малоизвестных фактов о судьбах африканцев в Европе в конце XIX – начале XX в., опираясь на найденные им архивные источники, а также на публикации мемуаров африканцев.

ПЕРВЫЕ АФРИКАНЦЫ ВО ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Во Франции первые африканцы, вывезенные не в качестве рабов или слуг, появились значительно раньше, чем в остальной Европе, что связано с ее ассимиляторской культурной политикой, проявившейся с момента захвата территорий в Западной Африке.

Первые опыты обучения африканцев во Франции были неудачными. Показательны в этом смысле письма западноафриканцев, обучавшихся во французском военном училище Сен-Сир, министру колоний от 15 и 25 мая 1848 г. Курсанты прибыли во Францию четыре года назад, дабы изучить язык. Их было трое, но недавно один из них умер. Смерть товарища так сильно подействовала на остальных, что они обратились к правительству с просьбой отпустить их к родным в Верхнюю Гвинею¹.

Как видно из писем, самое престижное военное учебное заведение Франции оказалось пыткой для трех молодых западноафриканцев. Стремлением закрепиться в метрополии, так характерным для африканцев в веке двадцатом, особенно в его последней трети, тут и не пахнет.

Важно подчеркнуть, что жители внутренних районов Африканского континента в конце XIX – начале XX в. вообще мало представляли себе, что такое Европа. Рассказы побывавших там африканцев об увиденном были неизмеримо важны для соотечественников. Такими первооткрывателями, например, стали послы кабаки Буганды Мутесы Первого (правил с 1856 по 1884 г.) в Великобританию.

Буганда – раннее государство в Восточноафриканском Межозерье, возникшее в XIV в. и достигшее расцвета к середине XIX в. Оно дало название государству Уганда, частью которого является. Кабака – наследственный верховный правитель Буганды, в ее истории насчитывается три династии кабак.

¹ Публикацию см. Новая и новейшая история, 2002, № 6.

В мае 1879 г. один из миссионеров-протестантов, развернувших свою деятельность в Буганде, собрался в Британию и пригласил с собой Мутесу. Правитель очень заинтересовался поездкой и готов был на нее согласиться. Он даже спросил, сможет ли он в Британии заполучить в жены белую принцессу. От поездки в Англию кабаку отговорили придворные, приведя следующий решающий довод: “Великий Мутеса, надо еще посмотреть, так ли велика эта белая королева Виктория, чтобы ты наносил ей визит первым!”. Мутеса с этим согласился и послал в Британию трех сановников. Они вернулись домой в 1881 г., сохранилась запись их рассказа о поездке на языке луганда.

До рассказов своих послов Мутеса слышал о Европе и о Британии уже от многих людей, начиная с известного британского исследователя Африки Дж.Х. Спика. Но все же он не представлял себе — да и мог ли представить — всю мощь викторианской Великобритании, страны, с которой Буганда столкнется всего десятилетие спустя. Он понимал, что это сильное государство — на этом акцентировали внимание его послы, — но насколько сильное — вряд ли.

ЗАНЗИБАРСКАЯ ПРИНЦЕССА САЛЬМЕ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

Интереснейшее описание жизни и нравов Занзибарского султаната оставила Эмили Рюте, в девичестве — занзибарская принцесса Сальме, дочь основателя Занзибарского султаната Сейида Саида и его наложницы-черкешенки. Свои мемуары она издала на немецком языке. Более того, она сыграла некую роль в схватке европейских держав за Африку.

Сальме родилась около 1840 г. Принцесса получила домашнее обучение. Девочек дворца учила женщина, специально выписанная Сейидом Саидом из Омана. Обучение проходило в одной из галерей дворца, на циновках. Четкого времени для занятий установлено не было.

Принцесса была обучена арабскому алфавиту и Корану. К тому же ее учили считать — до 100 письменно, а до 1000 устно, все, что больше — считалось дьявольщиной. О таких науках, как история, география, физика и прочих, принцесса услышала лишь тогда, когда она попала в Европу. Учительницу во дворце боялись и задабривали ее всякими сладостями. Никаким рукоделиям учительница девочек не обучала. Этому они учились у своих матерей.

Сальме потеряла мать, когда ей было 15 лет, т.е. около 1855 г. В 1856 г., в возрасте примерно 16 лет, она оказалась втянутой в заговор против Сейида Маджида, сына Сейида Саида, унаследовавшего его престол. Заговорщики посадили на престол другого сына умершего Великого Саида, Сейида Баргаша. Однако вскоре при поддержке англичан Сейид Баргаш был свергнут с престола и отправлен в ссылку в Британскую Индию. Англичане поддержали Сейида Маджида, поскольку он казался им более дружественным.

После подавления заговора принцесса оказалась в добровольной ссылке на одной из своих шамб — сельских плантаций. Когда Сальме пришлось вернуться в город Занзибар, ей нанес визит сам султан Сейид Маджид. Принцесса, по традиции, посетила его дворец с ответным визитом. И навеки поссорилась из-за этого со своей партией — партией сторонников Баргаша, которые ей никогда не простили визита во вражеский стан.

Сейид Маджид всячески поощрял и приветствовал европейцев на Занзибаре. Они, в свою очередь, искали повода повидаться с султаном, и в этом им помогали некоторые из придворных дам. Одной из них и была Сальме. Репутация принцессы как симпатизирующей европейцам, видимо, способствовала ее знакомству со своим будущим мужем.

Генрих Рюте был представителем некоей гамбургской торговой фирмы на Занзибаре. Его дом стоял по соседству с домом Сальме, а окно гостиной, где он вел светскую

жизнь, приходилось напротив окна комнаты принцессы. Она любила наблюдать за жизнью европейца. Так все и началось.

Когда молодые люди поняли, что любят друг друга, стало также понятно, что на Занзибаре их союз исключен — связь правоверной мусульманки с неверным грозила ей смертной казнью. Но дружба с европейцами помогла принцессе: при посредничестве жены британского вице-консула под покровом ночи ее вывезли из дворца и доставили на борт британского военного корабля. Попав морским путем в Аден, она нашла там прибежище у одной испанской семьи, также знакомой ей по Занзибару.

Этот гаремный скандал, как его называли, произошел в 1866 г. Существовала опасность роста антиевропейских настроений на Занзибаре, и британский консул запросил даже у своего правительства дополнительного военного корабль к острову для защиты находящихся там британцев. Интересно, что Сейид Маджид не разделял настроений своих подданных: он не только не препятствовал отъезду возлюбленного Сальме с острова, но разрешил пересылку ее доли наследства отца в Германию. Более того, несколько лет спустя, когда материальное положение ее значительно ухудшилось, он снарядил целый корабль с подарками для своей сестры. Подарки эти, к слову, так и не дошли до адресата.

В ожидании, пока жених закончит свои дела на Занзибаре, она была приобщена к христианству. Обряд крещения Сальме прошла в англиканской церкви, получив имя Эмили. Там же была совершена и церемония бракосочетания. Затем новобрачные отправились через Марсель в Гамбург.

Семья мужа приняла принцессу тепло, и она быстро усвоила европейские обычаи. Однако их счастье было недолгим — немногим более трех лет спустя муж Эмили попал под трамвай и умер, оставив ее с тремя детьми на руках, младшему из которых было всего три месяца.

Поначалу принцесса хотела вернуться домой, но к тому времени умер ее брат султан Сейид Маджид. Унаследовал его трон Сейид Баргаш, сторонники которого, как мы помним, не простили Сальме ее дружбу с Маджидом.

Эмили после смерти мужа жила еще два года в Гамбурге, где в результате нечестных действий партнеров покойного потеряла большую часть своего состояния. Она переехала в Дрезден, какое-то время жила в Лондоне и Рудольштадте, а когда дети подросли, переехала в Берлин.

Эмили очень хотелось хоть ненадолго вернуться на родину, но нелюбовь к ней Сейида Баргаша была к тому непреодолимым препятствием. Однако ею двигали далеко не только ностальгические соображения. Оставшись практически без средств к существованию, она пыталась получить и деньги. Заручившись поддержкой немецкой аристократии, принцесса сумела заинтересовать своими проблемами германский МИД, начавший в 1874 г. переписку по этому поводу с Форин оффис.

В 1875 г., узнав, что Сейид Баргаш готовится нанести визит в Лондон, она решает отправиться туда и напрямую поговорить с братом. Она добивается помощи в организации визита самого фон Бюлова, более того, в течение восьми недель берет уроки английского!

В Лондоне она остановилась сначала в отеле, а потом ее забрали к себе практически незнакомые ей люди. Там ей нанес неожиданный визит сэр Бартл Фрэр, бывший губернатор Синда, впоследствии губернатор Капской колонии, а в то время — видный колониальный чиновник британского правительства. От имени правительства он потребовал от Эмили, чтобы она не смела приближаться к Баргашу во время его визита в Лондон и обращаться к нему в письменной форме, пообещав взамен обеспечить будущее ее детей. Принцессе пришлось согласиться с его ультиматумом, и она делала все возможное, чтобы даже случайно не встретиться с султаном во время его пребывания в британской столице.

Позицию британского правительства Фрэр разъяснил знакомым принцессы так: во-первых, мы доставим этим удовольствие султану; во-вторых, этим мы заставим молчать принцессу; в-третьих, мы лишим канцлера Бисмарка всякого повода

к личному вмешательству в это дело. При этом английские колониальные чиновники не разрешили принцессе покинуть Лондон во время пребывания там Сейида Баргаша, чтобы держать ситуацию под контролем.

Только после его отъезда на Занзибар было разрешено покинуть Англию и ей. Уже в Берлине она получила официальное письмо от британских чиновников, в котором ей сообщалось, что она, будучи женой германского подданного, не может рассчитывать на какое-либо содействие британского правительства.

Сама Сальме объясняет весь этот инцидент таким образом: британское правительство боялось, что Баргаш, прежде чем подписать договор о протекторате, захочет посоветоваться с ней как с человеком, хорошо знающим Европу и европейцев, а она ему это отсоветует. Принцесса получила жестокий урок вероломства, ведь она купилась на обещание обеспечить будущее ее детям. Но вот, что она пишет: «Хотя я могу проследить истоки всех своих бед в коварных махинациях британского правительства, в своем сердце я храню не только чувство благодарности, но и самые теплые воспоминания о доброты и симпатии ко мне английского общества»².

Но на этом дело не кончилось: в 1876 г. германский консул на Занзибаре получил задание обратиться к Сейиду Баргашу с просьбой обеспечить права подданной рейха Эмили Рюте. Для верности он даже привлек на свою сторону британского консула сэра Джона Кирка. Однако султан был непреклонен: Сальме заслуживает по мусульманскому праву смертной казни, и он считает ее мертвой.

Но и это не все. Кто-то надоумил принцессу, что ее могут отвезти на родину на немецком военном корабле, и под защитой его пушек она сможет добиться от султана соблюдения своих прав. Но Бисмарк не был готов к такому шагу. Немецкий консул на острове сообщал в Берлин, что султан уступит только под сильным нажимом, но такой нажим противоречил в то время интересам Германии и ее торговых домов на Занзибаре.

Так принцесса Сальме – Эмили Рюте в своих попытках решить материальные проблемы оказалась разменной монетой в большой политике. Причем далеко не в последний раз. Такая судьба ей была уготована и впредь, когда Германия всерьез вступила в схватку за Африку и пыталась укрепить свои позиции в восточной части Черного континента.

В конце 1884 г. на Занзибар в качестве генерального консула Германии был отправлен Герхард Рольфс, немецкий путешественник и колониальный деятель. Примерно в то же время доктор Карл Петерс, основатель Общества германской колонизации, заключил ряд договоров о германском протекторате с традиционными властями некоторых народов внутренних районов Восточной Африки. Более того, 27 февраля 1885 г. германский кайзер подписал охранную грамоту на эти территории, поощрив Петерса к расширению зоны германского контроля в регионе. Земли, о которых шла речь, входили в сферу интересов Занзибарского султана. Султан отказывался признать немецкие «приобретения», и Рольфсу было предложено использовать в качестве одного из средства давления на султана «дело Сальме – Эмили Рюте». Однако он не посмел «омрачить свою дружественную миссию таким деликатным вопросом»³.

В 1885 г. ситуация обострилась. От султана Занзибара потребовалось признание немецкого протектората над внутренними районами Восточной Африки – в частности договоров, заключенных с рядом местных правителей Петерсом. И тут Бисмарк решил использовать не только принцессу, но и ее сына – «претендента на султанский престол» – в интересах Германии. К тому же сама Сальме неоднократно намекала немецким властям, что готова жить на Занзибаре и способствовать немецким интересам, как и ее сын и обе дочери.

² Emili Ruete, born Salme, Princess of Oman and Zanzibar. *Memoirs of an Arabian Princess from Zanzibar*. Zanzibar, 1998, p.193.

³ Müller F.F. *Deutschland – Zanzibar – Ostafrika*. Berlin, 1959, S. 199.

Однако германские власти понимали ее роль в соблюдении немецких интересов не совсем так, как того хотелось бы принцессе. Бисмарк уточнял, что притязания принцессы на наследство могут быть для немецкой политики «внешним поводом, но никак не мотивом для угрозы или применения силы. Мы не можем задействовать имперские интересы ради ее судьбы и прекрасных глаз. Если султан чем-либо еще вынудит нас применить силу, то немецкая гражданка Рюте со своими правами будет для нас полезным аргументом в применении силы. Если такая необходимость не наступит, фрау Рюте отправится на нашем корабле в обратный путь, если, конечно, ее брат не сделает для нее что-либо из любезности»⁴.

И вот неожиданно Сальме сообщили, что ей надлежит отправиться на родину.

1 июля 1885 г. она покинула Берлин и 8 июля прибыла в Александрию, где прошла пограничные формальности под чужим именем — ведь Египет в то время был английской территорией. Затем она добралась до Порт-Саида, где ее принял на борт немецкий военный корабль «Адлер», часть германского «флота устрашения».

2 августа после штормового перехода из Адена Сальме и ее спутники увидели остров Пемба, ближайший крупный остров от столицы Занзибарского султаната. Но сойти на берег ей не разрешали, несмотря на присутствие еще четырех кораблей немецкой эскадры. Командор Пашен называл принцессу «секретным грузом».

11 августа немецкий адмирал Кнорр, пришедший к острову на флагманском корабле «Бисмарк», вручил султану ультиматум, в котором потребовал признания немецких притязаний на восточноафриканские территории в течение 24 часов. Более того, в тот же день адмирал выстроил свои суда в одну линию в бухте города Занзибар в виду султанских дворцов.

Это произвело впечатление на султана. Британский консул Джон Кирк со своей стороны также посоветовал уступить требованиям немцев, дав султану понять, что Британия не оставит того в беде. Одним из соображений, заставивших Кирка действовать таким образом, было присутствие на борту немецкого военного корабля Сальме. 12 августа Сейид Баргаш подписал декларацию о признании немецкого протектората над внутренними районами Восточной Африки. Сальме было разрешено сойти на берег.

Так Сальме попала на родину под охраной немецких пушек и вновь стала частью важной политической игры.

В прогулках по городу Сальме сопровождали толпы народа. Это не нравилось ни Сейиду Баргашу, ни Кирку. Было даже сделано официальное представление командиру немецкой эскадры. Однако недовольство властей не смогло запугать занзибарцев в выражении симпатии принцессе. Многие из них слали ей дружественные записки и приглашения в гости через своих рабов, которые прятали записки в своих маленьких шапочках, что носят мужчины-мусульмане.

Конечно, в прогулках по острову Сальме всегда сопровождали немецкие офицеры. И всегда за ними следовали шпионы султана. Надо сказать, что немцы не упускали случая подразнить Сейида Баргаша. Например — махали руками обитательницам его гарема, следившими за ними со стен дворца, зная, что султан не одобрит этого. А на день рождения принцессы в виду столицы закололи на палубе корабля поросенка.

Интересны впечатления принцессы от города Занзибара. Она удручена грязью его внутренних улочек, где помой и нечистоты выливаются прямо из окон. Язвительно замечает, что султан, имевший достаточно возможностей познакомиться с тем, как убирают улицы в Бомбее, Лондоне и Париже, «посчитал необходимым завести на Занзибаре производство мороженого, электрический свет и так называемую железную дорогу, и я не знаю, что еще кроме французских поваров и французской кухни»⁵. Сальме имела в виду узкоколейку, проложенную к одному из загородных дворцов Сейида Баргаша. Она была заложена в 1875 г., ее протяженность составила всего 6 миль, а ширина

⁴ Ibid., S. 210.

⁵ Emili Ruete..., p. 202–203.

колеи — 2 фута. Сначала вагончик был на конной тяге, а в 1881 г. султан выписал из Великобритании паровой локомотив. В то же время старые дворцы ветшали: Бейт эль Мтони, где родилась принцесса, стоял в руинах.

Сальме попыталась заставить Сейида Баргаша выплатить ей деньги, которые, по ее мнению, ей причитались после смерти многочисленной родни как доля в наследстве. Султан милостиво предложил выплатить ей 6 тыс. рупий, на что принцесса ответила гордым отказом, посчитав эту сумму ничтожно малой толикой того, что ей причиталось.

19 августа начались переговоры о заключении договора о дружбе и торговле между Германией и Занзибаром. Вели их реально адмирал Кнорр и Джон Кирк. В начале сентября Кнорр получил указание из Берлина в качестве жеста доброй воли отозвать все претензии принцессы Сальме — Эмили Рюте. Вскоре она была отправлена назад в Германию. Немцы заявили, что, «поскольку султан в главных вопросах проявил понимание, его не хотят заставлять идти на компромисс со своей сестрой»⁶. Договор же между Германией и Занзибаром был подписан только 20 декабря 1885 г.

По горячим следам этой истории, в 1886 г., Сальме опубликовала на немецком языке мемуары под названием «Мемуары арабской принцессы»⁷. Вскоре, в 1888 г., они были переведены на английский язык, а через 110 лет переизданы. Издатели в Германии и Британии не оказались в накладе: в то время все, что было связано с Занзибаром и Восточной Африкой, вызывало интерес читающей публики в обеих странах. Как пишет сама принцесса в предисловии, она начала работу над рукописью девятью годами ранее, предназначая этот текст не для широкой публики, а для своих детей. Но вместе с дописанной ею главой о посещении Занзибара на немецком военном корабле (скорее всего, специально заказанной) книга вдруг стала актуальной.

Сальме умерла в Германии в 1924 г. в почтенном возрасте: ей было 84 года. Среди ее личных вещей нашли мешочек с песком с занзибарского берега.

История Сальме показательна в связи с темой встречи культур: еще на родине она восприняла многое из западной культуры, будучи одной из самых европеизированных женщин Занзибара. В Германии ей пришлось говорить на чужом языке и вести совсем другой образ жизни, чем она привыкла. Перед поездкой в Англию она учила английский язык. Мемуары свои написала по-немецки. Для достижения своего традиционного права на султанское наследство пыталась использовать новые методы в условиях схватки европейских держав за Африку и стала на короткое время одной из участниц этой схватки.

УГАНДИЕЦ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

После колониального раздела Африки количество уроженцев этого континента в Европе, естественно, увеличивалось прежде всего в странах-метрополиях.

Известны подробности поездки в 1902 г. катикиро («премьер-министра туземного правительства») Буганды, провинции британского протектората Уганда, Аполло Каггвы в Великобританию. Он был официально приглашен туда на коронацию короля Эдуарда VII. В поездку в качестве секретаря Каггва взял с собой Х. Мукасу, которому строго наказал подробнейшим образом записывать все, что они увидят в путешествии. Записи легли в основу книги «Катикиро Уганды в Британии», изданной в 1904 г. Тогда рукопись Мукасы была переведена на английский с языка луганда Э. Милларом — миссионером, сопровождавшим путешественников. Он опустил некоторые детали, которые могли показаться англичанам оскорбительными. Все пропуски были восстановлены известным угандийским поэтом Т. Ло Лионгом, подготовившим второе издание в 1975 г., книга вышла под новым названием «Сэр Аполло Каггва открывает Британию»⁸.

⁶ Müller F.F. Op. cit., S. 217.

⁷ Ruete E. Memoiren einer arabischen Prinzessin. Leipzig, 1886.

⁸ Mukasa H. Sir Apollo Kagwa Discovers Britain. London, 1975.

Каггва был более подготовлен к восприятию достижений европейской цивилизации, чем другие его соотечественники. Сказались и образование, полученное им у миссионеров, и многочисленные служебные и личные контакты с европейцами. Он был другом известного миссионера и этнографа Дж. Роскоу, служил ему информантом для многочисленных книг о баганда и сопредельных народах. Еще до поездки в Англию достижения европейской цивилизации прочно вошли в быт Каггвы. Сам он с гордостью писал, что «в 1890 г. купил часы, в 1894 г. построил себе двухэтажный дом, в 1896 г. купил керосиновую лампу, а в 1898 г. — велосипед, а с 1894 г. начал есть сидя за столом и пить чай вместо бананового пива»⁹. Уже в последние годы XIX в. он активно пользовался пишущей машинкой. Да и деловым человеком по европейским понятиям его тоже можно было назвать. Роскоу отмечал: «Он ведет полную отчетность в судебных и государственных делах. Просто удивительно, даже для европейца, что он так много успевает»¹⁰.

Каггва и Мукаса путешествовали долгих четыре месяца — они вернулись на родину в начале сентября. Путь их в Англию проходил через Красное море, Суэцкий канал, Средиземное море. По дороге они осматривали Неаполь и Помпеи, Марсель и Париж. В Англию они прибыли через Кале и Дувр — самым обычным по тем временам маршрутом с континента на Британские острова. И провели там больше двух месяцев только потому, что из-за болезни короля коронация была отложена. Путешественники исколесили всю страну: были в Саутгемптоне и Глазго, Ливерпуле и Манчестере, Кембридже и Виндзоре, Шеффилде. Осмотрели Лондон, где им показали парламент и Британский музей, Тауэр, прокатили в совсем новом тогда еще метро, сводили в театр и в цирк.

В Англии они встречались со многими известными людьми, так или иначе связанными с Африкой. Не говоря уже о том, что все, кто знал Каггву по Уганде, в том числе Г. Джонстон и Дж. Роскоу, считали своим долгом посетить их или пригласить к себе. Их принимали Генри Стэнли, архиепископ Кентерберийский, а также лорд Розбери и даже премьер Солсбери, с которым они пили чай. 8 августа, незадолго до коронации, их удостоил приема сам король. Их посещали многочисленные репортеры, о них писали газеты. Каггву и его секретаря в официальной Британии принимали как представителя уже покоренного государства, которому надо было оказывать милостивое внимание, но не давать забывать свое место.

Каггва и Мукаса стали «глазами своих соотечественников», внимательно рассматривая и подробно описывая все, что им показывали. Они старались повсюду бывать вместе, ведь «вдвоем можно увидеть больше». Отовсюду, откуда только можно было, брали с собой образцы и полуфабрикаты: глину с гончарного завода, кусочек угля из шахты, карандашные полуфабрикаты на разных стадиях изготовления с карандашной фабрики, полуфабрикаты ружейного ствола с оружейного завода — и все для того, «чтобы наши баганда увидели это». Путешественники хотели, чтобы и баганда пользовались всеми благами цивилизации, но они понимали, что для этого их родине нужны прежде всего специалисты. И Каггва, выступая в различных уголках Британии перед разными аудиториями, непрестанно приглашал специалистов в Уганду.

Самое главное — и в этом состоит пафос книги о визите Каггвы в Британию — что процветание страны — результат упорных трудов и что их согражданам для достижения прогресса необходимо прежде всего трудиться самим. Эта мысль особо подчеркивается в заключение книги: «Помните, что мудрость не приходит к ленивым и слабым людям, но лишь к тем, кто упорно трудится и ежедневно обдумывает свой труд»¹¹. Каггва и его секретарь твердо верят, что «их внуки будут гораздо мудрее», и призывают

⁹ The King's Men. Leadership and Status in Buganda on the Eve of Independence. London, 1964, p. 183.

¹⁰ Pawlikova V. Sir Apolo Kagwa and the Origins of Luganda Literature. — Asian and African Studies, 1975, № 11, p. 200–201.

¹¹ Mukasa H. Op. cit., p. 159.

в последних строках книги «ежедневно наставлять детей, чтобы они учились всему, чему можно, и, в свою очередь, учили своих детей»¹².

Перед отъездом на родину правительство Великобритании попросило Каггву выбрать себе подарки. Он взял конторку для письма и ружье. Оба путешественника также накупили много вещей домашнего обихода. Но главное, что они вывезли из Англии, — это идеи о необходимости просвещения для своего народа, которое в сочетании с трудом поможет ему достигнуть прогресса. Все это они выразили в книге, ее по праву можно считать плодом их совместного труда.

АФРИКАНЦЫ В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В Германии в начале XX в. стало расти количество африканцев — выходцев из колоний, причем на их пребывание в метрополии все больший отпечаток накладывали развивавшиеся там как раз в то время расовые теории.

Надо сказать, что германские власти в Африке с самого начала немецкого владычества выступали против смешанных браков. Еще в 1900 г. было постановлено, что «туземцы» не могут жениться на немецкой гражданке, но им было дано право ходатайствовать о натурализации — получении немецкого гражданства, — что теоретически влекло за собой и право на брак с немкой.

Однако после потрясших германские владения в Африке в середине первого десятилетия XX в. восстаний ситуация изменилась. Так, в 1906—1907 гг. после Великих восстаний гереро и нама в Германской Юго-Западной Африке специальным указом губернатора смешанные браки были категорически запрещены. В 1906 г. после восстания маджи-маджи в Германской Восточной Африке (ГВА, впоследствии Танганьике) там разразился целый скандал вокруг попытки заключения брака немецкого коммерсанта с женщиной-африканкой. Губернатор издал специальный циркуляр, в котором писал: «Официальным органам по политическим соображениям дано указание о нежелательности регистрации таких браков. Такая супружеская пара всегда может быть выслана из протектората»¹³.

Еще ранее, в конце 1905 г., из ГВА обратно в Германию была выслана и другая смешанная пара — немецкая женщина и ее муж Мторо (по другой версии — Мтото) бин Мвенье Бакари, который до этого времени работал в Восточном семинаре при Берлинском университете, но был уволен, остался без средств и попытался осесть на родине вместе с женой. Ему это не удалось: он был выслан обратно в Германию со всем скандалом, и германские власти даже пошли на то, чтобы оплатить пароходной компании «Верманн-Линие» убытки из государственных средств¹⁴.

Надо сказать, что в Германии для африканцев — выходцев из колоний находились самые разные виды занятий. Уже упомянутый Мторо бин Мвенье Бакари выступал, как теперь говорят, как «живой носитель языка». Другой — камерунец Ханс Белл — стал музыкантом, пройдя курс «обучения инструментальной музыке»¹⁵. Бывали случаи, когда немцы выказывали специальную заинтересованность в найме африканцев на работу. Так, в 1906 г. некий владелец переплетной мастерской Лемке из Дармштадта пишет в Колониальное ведомство, что «намеревается нанять к своим детям няньку из колоний» и «верноподданнейше просит дать справку об условиях и т. д.»¹⁶

Однако в те же годы, когда в результате восстаний в немецких колониях изменилось отношение немцев к африканцам, были приняты меры, усложняющие выезд

¹² Ibidem.

¹³ Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde (далее — BABL), 1001 — Reichskolonialamt (далее — RKA), 5427, Bl. 16.

¹⁴ Ibid., 5422, Bl. 29.

¹⁵ Ibid., 4457/6, Bl. 12.

¹⁶ Ibid., 7562, Bl. 24.

коренных жителей в Германию. Так, в 1906 г. было принято постановление, согласно которому каждый африканец, выезжающий в Германию, должен был уплатить залог, составлявший большую по тем временам сумму в 500 рейхсмарок, получить специальное разрешение губернатора на выезд и еще одно разрешение, если он едет без сопровождения белого. Кроме того, на корабле такой африканец должен был находиться под присмотром самого капитана¹⁷. Понятно, что все эти установления значительно ограничивали приток африканцев в Германию.

Однако основной проблемой для германских властей стали не сами африканцы в Германии, а дети от смешанных браков или внебрачных связей. Вот что сообщают о таких детях в Берлин колониальные власти Германской Восточной Африки: «Немногие родившиеся от связей белых с цветными женщинами, которые имеются в протекторате, по сию пору никак себя не проявили. В большинстве своем они чернокожи, воспитываются своими матерями как дети туземцев и в последующие годы вряд ли сознают свое частично европейское происхождение. До сих пор не известно ни одного случая, когда ребенок европейца и туземной женщины чувствовал бы себя принадлежащим к высшей расе и соответственно пробовал бы приравнять свой образ жизни к европейскому. Вряд ли следует полагать, что в обозримое время здесь могут произойти какие-либо изменения.

Поэтому мне представляется, что потребность в издании каких-либо установлений, могущих предоставить определенным потомкам белых [мужчин] и цветных женщин правовой статус не туземцев, отсутствует»¹⁸.

Тем не менее потребность в определении правового статуса детей-мулатов все же назрела. В 1910 г. кайзер издал специальное распоряжение, подтверждающее ранее принятый закон о протекторатах, где говорилось, что дети-мулаты в правовом отношении занимают то же положение, что и «туземцы».

В 1911 г. Министерство колоний дало следующее разъяснение губернатору немецкой колонии Того по вопросу о статусе мулатов: «В смысле употребления языка и в статистических целях для соответствующего протектората следует указывать, что соответствующее лицо соединяет в себе кровь людей двух рас, белой и цветной. Однако поскольку основание для исключения полукровок из статистического количества цветных состоит главным образом в том, что они составляют особый элемент населения, который якобы занимает промежуточное положение между белой и туземной расами, то следует также в дальнейшем учитывать весь образ жизни. Если соответствующее лицо живет главным образом как негр, то его в таком случае не следует статистически относить к полукровкам, даже если оно несет в своих жилах некоторое количество белой крови. В сомнительных случаях решающее значение могут иметь не отдельные телесные признаки, как например более светлый цвет кожи, а следует проверить, указывают ли внешность и поведение в целом, и прежде всего жизненные привычки, соответствующего цветного на то, что он ведет свое происхождение от белой расы»¹⁹.

В 1912 г. бурная дискуссия о детях-полукровках и о признании смешанных браков развернулась в германском рейхстаге. Несмотря на то, что имперское правительство однозначно высказалось против официального признания смешанных браков, рейхстаг принял прямо противоположное решение. В его резолюции от 8 мая 1912 г. говорится: «обратиться к соответствующим правительствам с просьбой издать законопроект, который признавал бы полноправие браков между белыми и туземцами во всех германских протекторатах и урегулировал бы права тех внебрачных детей, к которым до сих пор не применим свод гражданских законов»²⁰.

¹⁷ Ibid., Bl. 28.

¹⁸ Ibid., 5421, Bl. 22.

¹⁹ Ibid., 5427, Bl. 9.

²⁰ Ibid., Bl. 24.

В то же время в письме госсекретаря по колониям от 29 июля 1912 г. на имя губернатора Германской Восточной Африки отмечалось, что вопрос о правах детей-полукровок затрагивает интересы белого населения колоний, и губернаторам всех немецких владений в Африке предлагалось высказаться по этому поводу²¹.

В частности, губернатор Германской Юго-Западной Африки сообщал в Берлин, что ландесрат (орган местного самоуправления белой общины протектората) принял некое промежуточное решение: все смешанные браки, совершенные до 1905 г., т.е. до начала Великих восстаний гереро и нама, рекомендовано было признать законными, а детям от таких браков дать удостоверение, что они считаются белыми²².

В ответ на письмо госсекретаря губернатор Германской Восточной Африки сообщал, что как он, так и местный орган самоуправления поддерживают позицию имперского правительства, т.е. выступают против смешанных браков с «туземцами»²³.

Интересное свидетельство о положении детей-полукровок в Того сохранилось в архиве. Миссионер свидетельствует, во-первых, что детей-полукровок в Того в начале 1913 г. насчитывалось 240, что при числе мужчин-европейцев на тот же период, составлявшем 254 человека, из которых к тому же 42 — миссионеры, явно много²⁴. Миссионеры осуждают внебрачные связи белых мужчин с «туземными» женщинами, говорится далее в письме, но выступают за оформление таких связей в браки.

«Мы придерживаемся мнения, что в Того дети-полукровки принадлежат к туземцам. Соответственно эти дети по нашему распоряжению и при содействии наших миссионеров почти всегда воспитываются туземцами. К сожалению, нет недостатка в случаях, когда со стороны отцов заботы о них проявляется недостаточно или не проявляется вовсе. В результате возникают условия, которые вызывают живое возмущение как из-за детей полукровок и их матерей, так и из-за положения европейцев»²⁵. Далее миссионер высказывается о желательности принятия закона, который обязывал бы отцов таких детей-полукровок выплачивать алименты на их содержание²⁶.

Таким образом, в рейхе существовал широкий спектр мнений по вопросу о смешанных браках с «туземцами», но победила точка зрения правительственных кругов, рекомендовавшая смешанных браков не признавать и причислять детей от таких браков и тем более внебрачных связей к «туземцам».

Более того, представитель правительства заявил в рейхстаге в 1913 г., что теоретически мыслимо предоставлять права подданных империи только некоторым полукровкам, ибо «чистокровные туземцы» не обнаруживают того «уровня образованности и хозяйствования, а также нравственного уровня жизни, который мог бы оправдать уравнивание их в правах с немцами». В результате немецкое гражданство в кайзеровской Германии «афронемцам» предоставляли крайне редко и крайне неохотно²⁷.

В Веймарской республике ситуация с «афронемцами» изменилась в том смысле, что они перестали быть гражданами собственных протекторатов, и в ряде случаев им предоставлялось германское гражданство.

Характерен пример с уже упоминавшимся здесь Мторо Бакари. В 1922 г. он был вынужден обратиться к германскому правительству с просьбой о поддержке. В письме он рассказывает о своей работе в качестве преподавателя суахили в Восточном семинаре в Берлине и о том, что в результате потери Германией колоний потерял работу и он: «Он охотно и дальше послужит ставшему ему милым немецкому народу, если ему будет обеспечена защита и работа. Оставшись после увольнения без средств к существованию, нижеподписавшийся пытался заработать на жизнь себе и своей жене путем чтения лекций

²¹ Ibidem.

²² Ibid., Bl. 24—25.

²³ Ibid., Bl. 28—29.

²⁴ Ibid., Bl. 33.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

²⁷ История германского колониализма в Африке. М., 1983, с. 175—176.

о своей восточно-африканской родине. Тот прием, который был оказан его лекциям, а также отзывы преподавателей убедили его в том, что он принес немецкому народу большую научную пользу. Однако в некоторых местах ему пришлось испытать множество неприятностей вследствие недоверия и недопонимания, так как его принимали за солдата французских колониальных оккупационных войск из Рейнской области; его даже как-то выбросили в первом часу ночи замерзать на улицу из последнего постоянного двора, после того, как во всех остальных ему было отказано в ночлеге, явно по недопониманию»²⁸.

Он просит у правительства не денег, а охранных грамот, которые обязывали бы местные власти обеспечивать ему ночлег и скидку на проезд — т.е. он готов и дальше зарабатывать на жизнь лекциями, если ему будет обеспечена безопасность. Интересно в письме и то, что люди с черной кожей в некоторых областях Германии стали восприниматься как солдаты французских колониальных войск, т.е. враги.

История с Мторо Бакари на этом, однако, не кончилась. Министр по делам науки, культуры и образования запросил по поводу его письма Семинар восточных языков о личности просителя. Вот что ему ответили:

«Мторо бин Бакари был нанят в семинар в качестве преподавателя языка суахили при посредничестве бывшего Министерства колоний весной 1900 г. и вступил в должность в апреле того же года. Он был превосходным преподавателем, с готовностью и усердием отвечавшим всем требованиям, предъявляемым к нему в этом отношении, его служебное и внеслужебное поведение за исключением последних месяцев его службы также было образцовым. Зимой 1904/05 гг. он сообщил тогдашнему директору семинара, что хочет жениться на немецкой женщине. Директор предостерег его от такого шага, с одной стороны, из-за трудностей, связанных с религиозными различиями — Мторо мусульманин, а его жена христианка, — с другой стороны, из-за препятствий, которые колониальная администрация Восточной Африки стала бы чинить такому браку в интересах авторитета белой расы. Тем временем и колониальная администрация узнала о намерениях Мторо и запретила ему этот брак под угрозой непродления его контракта в семинаре. Мторо все же заключил брак, ушел из семинара и отправился в Восточную Африку, где ему было разрешено остаться, а его жене — нет. В этих обстоятельствах он вернулся в Германию вместе с женой и, насколько семинару известно, нашел место в Колониальном институте в Гамбурге как преподаватель суахили. Что стало с ним потом, семинару не известно. По слухам, во время войны он ездил по стране с лекциями. Данные, приведенные в его прошении, противоречат действительности в том смысле, что он потерял свое место в Восточном семинаре не с началом войны, а уже на Пасху 1905 г., т.е. почти десятью годами ранее»²⁹.

Таким образом, судьба «афронемцев» складывалась в Веймарской республике непросто. Тем не менее в бывших немецких колониях находились желающие пополнить собой их ряды. Так, например, в 1922 г. в бывшее Министерство колоний пришло письмо из Западной Африки, в котором сообщалось, что «двадцать первоклассных парней-тоголезцев, десять из них кузнецы, а десять — слесари», хотят выехать на работу в Германию³⁰.

Среди архивных документов мне не удалось обнаружить, какое именно продолжение имела данная история, но полагаю, что вряд ли тут было принято положительное решение. В самой Германии безработица росла быстрыми темпами, и лишние рабочие руки из бывших колоний были не нужны. Более того, германское правительство стремилось выслать обратно в Африку тех «афронемцев», что оказались там на положении безработных. Так, президент Германского колониального общества Зейтц пишет в германский МИД 14 октября 1925 г. о том, что в Берлине находится некоторое число³¹ выходцев из Камеруна, Того и Восточной Африки, не имеющих постоянной работы. «Лучше всего,

²⁸ BABL, RKA, 5422, Bl. 57–58.

²⁹ Ibid., Bl. 61.

³⁰ Ibid., 7562, Bl. 39.

³¹ В приложенном списке африканцев с адресами в Берлине и Гамбурге указаны 17 человек. — Ibid., Bl. 42.

конечно, было бы, — замечает он, — если бы можно было просто отослать этих людей назад в Африку, но у Колониального общества нет на это средств»³².

Интересно, однако, что на этом фоне желание нанять на работу африканцев в некоторых специфических секторах, да еще и на хороших условиях, не пропало. Так, например, владелец табачной фирмы из Герлица в 1926 г. делает запрос в Министерство колоний: «Не можете ли Вы обеспечить мне мальчика-негра в возрасте примерно 14 лет? Мальчик использовался бы мной на легких работах, в частности на посылках. Он жил и питался бы в моем доме. Я могу также гарантировать хорошее обращение»³³.

Надо сказать, что МИД отказал просителю, сославшись на то, что «ему неизвестно учреждение, которое могло бы подыскать мальчиков-негров»³⁴.

Интересно, что в те годы еще выплачивалось пособие по безработице «туземцам — выходцам из бывших германских колоний, потерявшим работу». Пособие выплачивалось через Немецкое общество изучения туземцев и составляло 200 рейхсмарок в месяц³⁵. Однако уже через два года, в 1928 г., германские власти призывают это общество максимально сократить выплаты «туземцам»: «Размер произведенных в последнее время выплат дает повод вновь подчеркнуть, что Германская империя (так в тексте. — А.Б.) не заинтересована в том, чтобы поддерживать и удерживать в Германии туземцев из своих бывших колоний, шатающихся без дела и без работы. Обоюдным интересам значительно более соответствовало бы, если бы подобные туземцы были как можно быстрее прпровождены на родину. Я прошу максимально ограничить случаи выплаты пособий»³⁶.

Куда уж яснее высказать официальное отношение властей Веймарской республики к «афронемцам»! Далее в письме — небезынтересные детали, касающиеся тех из них, кто прошел в Германии профессиональное обучение: «Аква, прошедший обучение как слесарь и шофер, женатый на немке и имеющий семью, будет и впредь получать пособие в 110 рейхсмарок в месяц, пока он может доказать, что он сам невиновен в своем положении безработного.

Всем же остальным туземцам, обученным на ремесленников или торговых служащих (т.е. только тем, кто имеет за плечами положенный срок обучения) пособия следует выплачивать лишь в том случае, если они предъявят доказательства отсутствия собственной вины в своем безработном положении и дадут письменное обязательство при первой же возможности отправиться на родину за казенный счет. Поскольку подобные туземцы действительно имеют волю к труду и использовали время обучения для приобретения знаний, они с легкостью найдут на родине гарантированные средства к существованию.

Всем же остальным туземцам, в особенности цирковым и киношным статистам, я прошу пособий более не выплачивать, а возможным просителям предлагать отправиться домой за казенный счет»³⁷.

Таким образом, властями был решительно взят курс на высылку «афронемцев» на родину — проблема состояла в том, что «казенные средства», за счет которых предполагалось сделать это, находились далеко не всегда.

Интересно, что решение о высылке «афронемцев» на родину влекло за собой ряд юридических последствий, в частности, вынуждало их официально оформить свои отношения с сожительницами-немками, если они собирались выехать в Африку всей семьей. Понятно, что немецкой женщине африканец должен был пообещать в будущей жизни на Черном континенте золотые горы. Вот как описывается такой случай в письме Общества по изучению туземцев от 12 июля 1927 г., подписанном Гатцфельдом: «Сегодня берлинская продавщица Марта Леманн говорила со мной без ведома

³² Ibid., Bl. 41.

³³ Ibid., Bl. 64.

³⁴ Ibid., Bl. 65.

³⁵ Ibid., Bl. 61.

³⁶ Ibid., Bl. 69.

³⁷ Ibidem.

своего мужа. Она просила моего совета. Михаэль сказал ей, что он получит в Камеруне очень высокую должность, что у нее будет европейский дом и слуги и что он как миссионер будет все время путешествовать вместе с ней. Ее в последнее время все предостерегают, и она в нерешительности. После того, как я изобразил ей те обстоятельства, которые ожидают ее, она заявила сегодня, что она твердо решила не выходить за Михаэля замуж в Берлине и не уезжать с ним в Камерун»³⁸.

Далее в письме упоминается между делом, что Михаэль уедет в Камерун без жены, но с четырьмя детьми³⁹. Это значит, что старая точка зрения, выработанная еще кайзеровской Германией — детей-полукровок рассматривать как «туземцев» — сохранялась и в Веймарской республике.

К слову сказать, герой этой истории — камерунец Михаэль Вонья — все же женился на своей Марте Леманн и увез ее в Камерун. Правда, уже в следующем, 1928 г., она оставила мужа⁴⁰.

В архиве сохранился удивительный документ, отражающий всю сложность положения «афронемцев» в конце 20-х годов. Это письмо на имя рейхсканцлера от камерунца Вильгельма Мурумие от 12 декабря 1929 г.⁴¹ В нем затрагивается столько проблем, что позволю себе привести пространные выдержки из него:

«Я родился 25 июля 1897 г. в Дуале, Германская Африка, как негритянский гражданин рейха посещал немецкую католическую миссионерскую школу и в 1913 г. приехал в Германию с чувством внутреннего удовлетворения, получив возможность изучить немецкие нравы и обычаи. Я — первопроходец и пионер немецко-камерунского сотрудничества. Я также являюсь первым негритянским гражданином рейха, который сумел пробудить в неграх из немецких колоний в Германии и в Камеруне доверие к немецкому государству. Мои устремления направлены на воспитание молодых немецких негров хорошими гражданами Германии.

Моей первой мыслью всегда было привозить в Германию негритянских мальчиков из Камеруна, чтобы духовно и политически воспитать их для германо-камерунского сближения. Я думаю, что этим я выполнил свой долг и предназначение и сблизил оба народа.

В настоящее время в Берлине живут два человека — г-н Эльгестер в МИД и г-н Мансфельд в Имперском управлении компенсаций. Оба в прошлом — низшие чиновники в Дуале, устремления которых направлены на то, чтобы подорвать имперскую колониальную дипломатию. Я познакомил обоих господ с моими вышеупомянутыми воспитательными идеями, на что они ответили, что не хотят, чтобы молодые немецкие негритянские граждане открывали в Берлине конторы и прочее. Это отрицание целей немецких негров отчетливо показывают, что оба этих господина пользуются методами, не соответствующими направлениям имперской колониальной политики. Это явное предательство имперской хозяйственной и колониальной дипломатии»⁴².

Весь этот теоретический базис, небезынтересный сам по себе, нужен был автору письма, чтобы оправдать свой проступок. Он подделал английские пятифунтовые банкноты «из политических убеждений, желая создать фонд обучения камерунских мальчиков-негров на священнослужителей, врачей, юристов, коммерсантов и ремесленников»⁴³.

В цитируемом письме, написанном в тюрьме, автор от верноподданнических нот переходит к обвинениям в адрес немцев за несправедливое отношение к африканцам: «Бывшие немцы-африканцы (т.е. жившие в африканских колониях. — А.Б.) рассматривают нас, немецких граждан-негров, как своих врагов, которые могут повредить

³⁸ Ibid., 4457/7, Bl. 42.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibid., Bl. 121.

⁴¹ Ibid., Bl. 212–219.

⁴² Ibid., Bl. 212–213.

⁴³ Ibid., Bl. 213.

их деловым и личным интересам, поэтому они хотят уничтожить всех немецких граждан-негров, желающих духовно и физически связаться с немецким народом и произрастать тут... Мы, немецкие граждане-негры, живем с чувством глубокой горечи и разочарования»⁴⁴.

Автор письма не теряет надежды найти справедливость в высших органах власти Веймарской республики, однако углублявшийся экономический кризис не способствовал смягчению отношения властей к «афронемцам». С приходом же к власти Гитлера к экономическим факторам добавились и стали превалировать политико-идеологические.

Это хорошо иллюстрирует служебная записка германского МИД от 7 ноября 1934 г.:

«Развитие расовой проблемы в Германии привело к весьма негативным последствиям для проживающих здесь негров из наших бывших протекторатов.

Трудности, с которыми сталкиваются негры в практической сфере расового вопроса, в меньшей мере следует отнести за счет официальных мер, в значительно большей — за счет общего настроения населения.

Из официальных мер, по сообщениям пострадавших, отрицательное воздействие имело изъятие у них немецких паспортов и замена их на иностранные. Это сделало практически невозможным для негров путешествия за границу. Для живущих здесь негров, относительно большое число из которых принадлежит к музыкальным коллективам, это означает не возможность заработка за границей.

Общее настроение населения в расовом вопросе проявляется в том, что негры часто подвергаются личным оскорблениям и изгнанию, в том, что, учитывая настроения публики, ни один предприниматель не осмеливается брать их на работу. Таким образом, и внутри страны возможность заработать деньги для негров практически закрыта. При этом страдают сильнее всего как раз порядочные элементы среди них.

Само собой разумеется, что при таком положении дел среди негров возникает недовольство. Это недовольство особенно неприятно для нас потому, что оно не ограничивается только живущими здесь неграми, но через связи, которые они естественным образом имеют с Африкой, распространяется и в Африке. Неблагоприятное воздействие этих настроений потому особенно сильно, что эти негры вследствие своего многолетнего пребывания в Европе и значительно более широких по сравнению со своими соплеменниками знаний естественным образом имеют на них большое влияние.

Это обстоятельство может возыметь крайне неприятные последствия для Германии, если актуальным окажется вопрос о предоставлении Германии мандатов в Африке. Враждебно настроенные к колониальным устремлениям Германии круги за рубежом наверняка попытались бы приобрести на этом капитал, частично за счет подначивания негритянского населения соответствующих территорий, а частично за счет прессы и другой пропаганды в европейских странах.

Отсюда следовало бы попытаться по возможности устранить причины для недовольства живущих здесь негров... Отправка же живущих здесь негров в Африку по многим причинам представляется неосуществимой. Кроме того, имеются политические возражения против отправки негров домой»⁴⁵.

Таким образом, МИД по внешнеполитическим соображениям выступал за смягчение положения «афронемцев» в Германии. Об этих внешнеполитических соображениях — возможном возврате бывших немецких колоний — иногда в Третьем рейхе вспоминали и далее, но превалировала другая тенденция — расистская. Вслед за лишением «афронемцев» гражданства Германии последовала другая — чудовищная по своей жестокости — акция: насильственная стерилизация «расово неполноценных».

Выплаты пособий нуждающимся африканцам — выходцам из бывших немецких колоний, однако, продолжались. Так, в архиве хранится документ за 1935 г., в котором

⁴⁴ Ibid., Bl. 215, 216—217.

⁴⁵ Ibid., 7562, Bl. 88—90.

приводится список из 33 человек, получавших такие пособия через Немецкое общество по изучению туземцев. Указываются различные характеристики этих людей, самые разноплановые, типа: «женат», «двое внебрачных детей», «плохая слава» и пр.⁴⁶

В 1937 г. было решено создать «немецкое африканское шоу», в котором были объединены оставшиеся без работы артисты-африканцы. Сделано это было, конечно, не из гуманистических соображений, а в пропагандистских целях — вновь и вновь муссировался вопрос о возвращении Германии колоний. Однако уже в 1939 г. в официальном послании МИД Министерству просвещения и пропаганды Германии от 4 апреля отмечается, что «колониально-пропагандистское значение выступлений туземцев в таком шоу крайне мало» и шоу предлагается закрыть⁴⁷.

Интересно рассуждение одного из музыкантов-африканцев, тоголезца Кваси Брюса, о культурно-исторической роли Германии в судьбах Африки, высказанное в письме в МИД: «Мы никогда не приходили в Европу как завоеватели и никогда не пытались поставить Европу на колени или эксплуатировать ее. Это Европа пришла в Африку... Европа обстригла Африку Библией миссионера, конторской книгой торговца и сводом законов белого человека. Европа принесла на наш континент свои проблемы и лишила нас нашего внутреннего мира. Нас заставили перепрыгнуть через века культурного развития, ведь не белый человек приспособивался к нам, а мы к нему. От походного гамака мы сделали скачок сразу к железной дороге и зашли здесь так далеко, что в Того задолго до начала войны при путешествии по железной дороге от покупки билета до сдачи его в конце путешествия путешественник не встречал ни одного белого человека»⁴⁸.

Особо следует сказать о колониальных выставках, например о крупных колониальных выставках в Париже в 1929 и 1931 гг.⁴⁹ На них, в частности, выставлялись произведения африканского искусства — картины, гравюры, произведения скульптуры и архитектуры, в том числе реконструированные по архивным документам⁵⁰. Такие выставки расширяли представления метрополий о жителях колоний, но это вряд ли серьезно сказывалось на положении африканцев в Европе.

Таким образом, процесс афроазиатизации Европы, идущий с конца прошлого века, имеет давние истоки. Его африканский компонент начался тонким ручейком вслед за Великими географическими открытиями, который рос и крепнул в колониальную эпоху. В разные годы и в разных странах-метрополиях положение выходцев из Африки было различным, но в целом они были, как правило, нежелательным элементом. В то же время выходцы с Черного континента, жившие в Европе, сыграли большую, до сих пор, полагаю, недооцененную роль в процессе встречи африканской и европейской культур.

⁴⁶ Ibid., Bl. 115–117.

⁴⁷ Ibid., Bl. 128.

⁴⁸ Ibid., Bl. 94–95.

⁴⁹ См., например: *Deroo E.* Avec la collaboration de Sandrine Lemaire. *L'Illusion coloniale.* Paris, 2005, p. 102–105.

⁵⁰ Архив заморских территорий Франциит (С.А.О.М.), Министерский фонд (F.М.), Affaires Politiques, C2984, d. 5.